

Скрипков Яков Никифорович
Народный художник России, профессор

Дорогому другу детства
Таше Тукоеву
на добрую и долгую
память о тех
незабвенных днях
и годах, когда мы
учились в Клыгатах
перели снытаи
в шквертисе и
всем наукам

Я Скрипков

27 янв.

2009г.

Родился 13 января 1919 года в селе Полуямки Михаловского района Алтайского края. Отец – Скрипков Никифор Сергеевич (1889-1919). Мать – Скрипкина Степанида Васильевна (1889-1971). Супруга - Скрипкина Нина Анатольевна (1923 г. рожд.), участница Сталинградской битвы, радист; художник-прикладник. Дочь – Бубнова Наталья Яковлевна (1948 г. рожд.).

Семья Скрипковых переехала в Алтайский край во время столыпинских реформ. Талант будущего художника открылся, когда мальчику было не больше 10 лет. Первой работой мальчика стал портрет В.И. Ленина, который Яков Скрипков нарисовал для школы, где в то время учился. Будучи восьмиклассником, Яков уже работал художником в местном кинотеатре. К тому времени его талант стал знаменит во всем районе.

Сразу после окончания 9 класса, несмотря на протесты родных, юный художник со своим другом решаются ехать учиться в Москву.

Ребята пробуют свои силы в Московском художественном училище памяти 1905 года. Шумная столица и преподаватели училища оказываются неблагосклонными к молодым талантам. Однако Яков Скрипков со своим товарищем не спешили покинуть неприветливую златоглавую и стали искать счастья в поисках любой оплачиваемой работы. Вскоре удача им улыбнулась: уже потеряв всякую надежду, они случайно познакомились с одним из студентов художественного вуза, который посоветовал юным художникам попробовать свои силы в Художественно-

промышленном училище имени М.И. Калинина. Здесь сибиряков встретили с распростертыми объятиями: после мытарств по вокзалам и пыльным улицам светлая спальная комната для абитуриентов показалась мальчикам раем. Вскоре ребята сдали вступительные экзамены и остались учиться в Москве.

Все время обучения для Скрипкова было наполнено искусством. Он с большим наслаждением посещал художественные выставки и музеи. За первый год обучения он написал в 2 раза больше, чем предполагалось по программе. Первым учителем стал Павел Васильевич Суриков. В это же время Яков начал писать стихи.

Но первый период становления Скрипкова-художника неожиданно прервался: юношу призвали в армию.

Судьба забросила Якова в отдаленный полк, который находился в междуречье российской Аргуни и монгольского Халхин-Гола, у самой границы японского марионеточного государства Маньчжоу-Го. Молодому художнику выпала нелегкая доля воевать с Японией в Монголии и Китае. Храбрым солдатом зарекомендовал себя рядовой Скрипков в ходе танковой атаки во время прорыва линии обороны противника, считавшейся неприступной. К тому времени рядовой разведчик Яков Скрипков стал армейским журналистом и художником, сотрудником газеты 61-й дивизии «Натиск». Яков Никифорович нашел себя в качестве автора репортажей, очерков, статей, корреспонденций, лирических стихов, песен, эпиграмм и сатирических частушек. Кроме того,

конечно же, он занимался оформлением газеты. Он рисовал карикатуры, вырезал клише, макетировал.

Во время решающего танкового броска через пустыню Гоби и горные кряжи Большого Хингана в тыл японцам, во время удара по Квантунской армии военкор Скрипков, как всегда, находился в головной колонне наступающих войск.

Даже в труднейших условиях, когда не хватало не только продовольствия, но и воды, в редкие минуты затишья Яков Скрипков умудрялся писать этюды. Среди его фронтовых зарисовок почти невозможно найти героических батальных сцен – в основном это жанровые рисунки солдатского быта. Зато много тонких, лиричных пейзажных набросков, теплых мирных картинок местного колорита Монголии. С уверенностью можно сказать, что талант Якова Скрипкова как художника, поэта, журналиста впервые по-настоящему раскрылся именно на фронте. В разгар жесточайших боев он пишет поистине замечательные строки:

Винтовка и ранец давили свинцом

На мокрые потные плечи.

Мне очень хотелось уткнуться лицом

В прохладный синеющий вечер.

День победы над Японией Скрипков встретил в маньчжурском городе Чанчуне. Но тема Монголии так и останется одной из краеугольных в его творчестве. Большинство живописных и мозаичных произведений, посвященных вождям монгольского народа – Сухэ Батору, Чойбалсану, первому монгольскому космонавту Гуррагче, рядовым рабочим, художникам,

деятелям культуры, дипломатам, Яков Никифорович безвозмездно подарил этой стране. И теперь произведения Скрипкова находятся в музеях Улан-Батора, Чойбалсана, Эрденета, в посольстве Монголии в Москве. Немало их и в мастерской художника.

Несмотря на отсутствие аттестата о законченном среднем образовании, Якову Никифоровичу все же удалось реализовать свою давнюю мечту – стать студентом Московского художественного института. Учителями молодого художника стали самые заслуженные люди в области культуры и искусства. Например, живопись и композицию преподавал известный живописец и монументалист Александр Александрович Дейнека. Даже русский язык – предмет непрофильный для живописцев – преподавал знаменитый Фортунантов, профессор МГУ имени Ломоносова.

Дипломной работой Скрипкова и еще нескольких его товарищей стала роспись, которую студенты по просьбе архитектора Максимова делали в здании нового областного драматического театра в городе Калининe. 5 ноября 1951 года Яков Никифорович досрочно защитил свой диплом.

А дальше были замечательные работы уже ставшего известным художника Скрипкова. Та группа студентов, с которыми учился Яков Никифорович, продолжила совместное оформление различных зданий столицы и городов СССР, восстановленных после войны. Драматический театр имени Горького и железнодорожный вокзал в Сталинграде, здания филармоний в Калининe и Чебоксарах, павильон

«Наука» на ВДНХ в Москве, научный читальный зал в Государственной публичной библиотеке имени В.И. Ленина, Дворец культуры имени А.М. Горького в Филях – вот неполный перечень объектов, художественно оформленных группой молодых художников. За панно «По ленинскому пути» В павильоне «Культура» Скрипков награжден серебряной медалью ВДНХ.

С космонавтами, проходившими подготовку в Звездном городке, у Якова Никифоровича установились особо теплые отношения. Он был лично знаком с Юрием Гагариным. Руке Скрипкова принадлежат многие мозаичные портреты, которыми оформлен Звездный городок. По признанию художника, это был особый период его творческой жизни, полный интересного общения и истинного вдохновения.

Яков Никифорович много путешествовал. Целые циклы пейзажей из Флоренции, Венеции, руин древней Помпеи посвящены таким поездкам.

Одновременно с творчеством Яков Никифорович занимается преподавательской деятельностью. Будучи профессором кафедры рисунка, он ведет теоретические занятия по рисунку со студентами Московского архитектурного института.

Более четверти века назад Скрипков участвовал в создании замечательного памятника культуры, одной из самых важных достопримечательностей Алтайского края – Михайловской сельской народной картинной галереи.

Пользуются известностью и неоднократно

публиковавшиеся стихи разных лет этого одаренного человека.

Художник тесно сотрудничает с алтайским землячеством в Москве: его мастерская, которая находится на последнем этаже здания сталинской постройки недалеко от Белого дома, часто бывает, полна гостей из родных краев.

Член Союза художников. Народный художник России. Удостоен диплома Академии художеств СССР за росписи Дворца пионеров в Ульяновске. Получил премию Ленинского комсомола за мозаичные пилоны в пионерском лагере «Артек».

Награжден орденом Отечественной войны 2 степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «За трудовую доблесть» и другими. Живет в Москве.

Данной книгой стихов Я. Скрипков подводит юбилейный итог своему поэтическому дарованию.

Цикл стихов военных лет

В боях за Родину

Тихи долины Халхин-Гола,
Лишь только ветер иногда,
Срывая пыль с барханов голых,
Как зверь врывается туда.

В безумстве бьется он и стонет,
Срывая с корнем ковыли,
Как будто бешеные кони,
Храпя, проносятся в пыли.

Открой лицо - песок горячий
Мгновенно ослепит глаза...
Но, помню: здесь, бывало жарче
В сраженьях много лет назад.

Бесился ветер. Травы гнулись
От ураганного огня
Горела степь. Свистели пули.
Звенела крепкая броня.

А наши танки мчались в дыме
На штурм горы Баин-Цаган.
И был бессилен перед ними
Врага свинцовый ураган.

Они неслись сквозь все преграды,
Сквозь взрывов черные столбы.
Порой тяжелые снаряды
Их поднимали на дыбы.

Но даже пламенем объаты,
Они неслись врагам назло.
Упорство русского солдата
Здесь все на свете превзошло.

Снарядом танк разворотило.
Водитель раненый упал.
Но он собрал остаток силы
И с гневом рычаги нажал.

И словно раненая птица,
Рванулся танк, броней звеня.
И падал враг под гусеницы,
И гиб от меткого огня.

Гора покрылась кровью вражьей
И ломом вражьиx батарей.
Геройски дрались экипажи
Во славу Родины своей.

Они прошли стальной лавой,
Подняв знамена над горой
Их вел на подвиги и славу
Любимый Яковлев - герой.

1940.

Дневальный.

Раскидав над головами руки,
Спят мои товарищи-бойцы.
Тишина. Ни шороха, ни стука,
Только тихо тикают часы.

Я стою дневальным на проходе,
Сон солдатский свято берегу.
Много верст прошли они в походе
На морозе в снежную пургу.

Раскраснелись молодые лица,
Улетела с них тревоги тень.
Спят бойцы. И пусть им Рай приснится.
Завтра будет новый ратный день.
1941

Монголия.

Монголия, Монголия,
Чужая сторона.
Кругом равнина голая
Злым солнцем сожжена.

Ни дерева, ни кустика
Песка сплошной покров.
Простор для змей и сусликов,
Для зноя и ветров.

Куда глаза ни бросятся –
Кругом простор немой.
И сердце тихо просится
Скорее бы домой.
1945

Родной очаг.

Забарабанила, запела
Шальная вьюга за окном.
И сердцем сразу завладела
Тоска об очаге родном.
Там стынь бывает даже злее,
И ветры дуют напролом.
Но каждый угол сердце греет
Своим родительским теплом.

1945

За правое дело

Чем больше коварства,
Чем больше пожарищ
Враг сеет над нашей землёй,
Тем ненависть наша сильнее, товарищ,
Тем злее и яростней бой.

За правое дело встают миллионы,
И смерть никому не страшна.
На бранное поле стальные колонны
На бой посылает страна.

За русскую землю,
За русскую славу,
За волю полей и лугов
За Киев, за Ригу, за Минск, за Полтаву
Ответить заставим врагов.

Не будет под игом Отчизна народа,
Пройдя в испытанье любом.
Кто знает свободу,
Кто любит Свободу -
Тот в жизни не будет рабом!

1941

На границе в дозоре

Небо насупилось хмуро,
Молнии блещут и гром
Вздулся живой Буир-нура
Пенным седым пузырьём.
Скрылось багровое солнце
За грозовой пеленой.
Там, за кордоном, японцы
Нагло грозят нам войной.
Озеро грозно, как море,
Хлюпает в хлябях нога.
Трудно солдату в дозоре
Видеть и слышать врага.
Мерзнет рука на железе,
Холодом режет щеку,
Враг не пройдёт, не пролезет
Русский боец начеку.
Г. Чопбалсан 1941 г.

Не уйдут

Разыгралась в поле вьюга,
Понеслась во все концы.
Стало немцам нынче туго-
Удирают, подлецы.
По лесам, по бездорожью,
По глухим снегам полей
И дрожат смертельной дрожью
Перед гибелью своей.
Под ногами снег пушистый,
За спиною ливень пуль.
И печалются фашисты,
Что сегодня не июль
Бравый немец чуть не плачет,
Вспоминая дом и мать

От мороза морду прячет
И пытается удрать
Не уйдут. Настигнем гадов.
По пятам мы их идём.
Под Москвой, под Ленинградом,
Под Берлином, но добыём!
1941 г.

Матери

Я уходил - Ты была не такой:
Выше была, прямей.
Видно с собой я унёс твой покой
В бурю военных дней.

Вот предо мною твой фотопортрет.
Как ты уже стара.
Словно минули десятки лет
В грусти с того утра.

Сколько сединок на висках легло,
Сколько морщин у глаз.
Верю, родная, тебе тяжело
Жить, ожидая нас.

Жди, терпеливо. Мы скоро придём,
Врага победив и смерть.
Чтобы покой принести в наш дом,
Старость твою согреть.
1942

Гад

Я фашистов-подлецов
Не видал ещё в лицо.
Их звериные приметы
Знаю только по газетам,
Да по письмам от бойцов.
Говорят, фашисты рыжи,
Очень злы, глаза бесстыжи,
По природе вороваты,
И на разум туговаты.
По штрихам таких примет
Можно написать портрет:
Низкий лоб, а мышьи глазки
Злобно смотрят из-под каски.
От ушей до бороды
Грязи месячной следы.
На груди железный крест
И отличие «СС».
Этот гад душой нечист.
Это - яростный фашист.
Это он ходил по хатам,
С рюкзаком и автоматом
Правой лапой убивал.
Левой грабил, воровал.
Это он людей невинных
Истязал в подвалах винных,
Он насиловал сестёр.
Он бросал детей в костёр,
Сукин сын!..
На нём не грязь —
Кровь людская запеклась.
Я завидую бойцам,
Тем, что мстят фашистским псам,

За разграбленные хаты,
За народные утраты,
За нарушенный покой -
Мстят штыком, а не строкой.
1942

Родина

Родина! Родное сердцу слово.
Оно вошло у нас и в плоть и в кровь,
Оно звучит и гордо и сурово,
В нём наша Сила, гордость и любовь.

Оно приходит к нам всегда на память
Кому тропинкой узкой у реки,
Кому колхозным полем со снопами,
Кому весенним шумом заводским.

Есть много слов любимых и хороших,
Есть близкие для сердца имена.
Но слова «Родина» на свете нет дороже,
Ведь родина на всей земле одна.

Мы этим словом называем дали,
Луну над крышей, трели соловья,
С него мы в раннем детстве начинали
Учить другие русские слова.

И потому в сражениях суровых,
Берясь за всё, чем жизнь нам дорога,
Мы называли первым это слово
И побеждали лютого врага.
1941

Посылка

За околицей ветер ревёт.
Лижет окна косматая вьюга.
А в избе дорогому на фронт
Собирает посылку подруга.

Тёплый шарф и расшитый кисет,
Рукавицы и белый платочек.
В каждой вещи любовь и привет
От себя и от маленьких дочек.

Для него это всё берегла,
Вечерами стирала и шила,
Чтобы запах родного угла
Преумножил в нём ярость и силу.

Чтобы шел он смелей на врага
Полон мести к нему негасимой
Чтоб его согревала в снегах
Беспредельная ласка любимой.
1942

Он мой давний враг

По-воровски в наш край богатый
Вероломно он лез не раз
Он мой давний враг и заклятый
Не люблю его диких глаз.

Я запомнил японца злого
На Хасане в ночную тьму.
В халхингольских боях суровых
Беспощадно я мстил ему

Но горячее сердце просит
До конца его бить и бить
Чтобы с суши злодея сбросить.
Чтобы в море его утопить,

Расквитаться за всё что было:
За Артур, за двадцатый год,
Чтоб вовек самурайское рыло
Не совалось в наш огород.
Август 1945

Мститель

По прусским болотам.
По польским равнинам
По трудным, нехоженым гребням Карпат
По разным путям и дорогам - к Берлину
Идёт наш овейанный славой солдат.
В боях возмужал он и стал крепче стали.
Он мстит душегубам за кровь и беду.
Два слова священных - Отчизна и Сталин
Живут в его сердце, к Победе ведут.
1945

Походная стрелковая

Мы прошли с боями по степям Кубани
Гнали Улагая чёрную орду,
Защищали грудью стены Астрахани
В грозном девятнадцатом году.

Под осенним небом в злую непогоду
Шли по Украине красные стрелки.
И поныне помнят паны-воеводы
Наши воронёные штыки.

Нам давно знакомы зорь степных полосы,
Трав степных дыханье, шелест ковылей.
На барона Унгерна вел нас Рокоссовский
По монгольской выжженной земле.

От степей кубанских до Даурских сопок
Прогремела слава нашего полка.
Пронесли мы с честью гордо и высоко
Знамя, что водило на врага.

На полях учений крепнет наша Сила,
И стрелки сегодня смело говорят:
-Если враг ползет, он найдёт могилу
От штыков от наших и гранат.
1940

Лиловый цветок.

Над степью стоял полыхающий зной,
И пыль неподвижно стояла.
Мы шли на ученье дорогой степной,
С последнего снявшись привала.
Винтовка и ранец давили свинцом
На мокрые потные плечи.

Мне сильно хотелось уткнуться лицом
В прохладный синеющий вечер.
Усталость сковала и плечи, и грудь,
И боль разливалась по телу.
Казалось, что этот извилистый путь
Лежит без конца и предела.
Казалось: немного - и я упаду.
Но вот мой товарищ по роте
В пути догоняет меня на ходу,
Знакомый конверт подает мне.
Сказал, извиняясь: «Забыл передать.
Не думай, что с умыслом, право.
Кто пишет? Должно быть девчонка?»
- Нет, мать» - ответил я другу лукаво.
А сам, улыбаясь, усталой рукой
Конверт открываю. И что же?
Цветочек лиловый, душистый такой
Прильнул к моим пальцам и ожил.
И радость такая на сердце легла,
Как будто я милую встретил,
Вернувшись к ограде родного угла,
В окно постучав на рассвете.
Я долго смотрел на лиловый цветок
И силы мои прибывали.
Я видел не степь, а родной городок
В просторах синеющей дали.
Я шел по степи сквозь полуденный зной,
Забыв про былую усталость.
И сердцу казалось, что рядом со мной
Любимая тоже шагала.

1940

Зоя

В легендах, в народном слове,
В стихах, что зовут на бой,
Она, как любовь и совесть,
Осталась для нас живой.

И горы не смоят память,
О том как, не зная сна.
Глухими лесными тропами
На подвиг пошла она.

Её укрывали ночи,
Её берегла пурга.
Бесстрашно смотрели очи
В звериную пасть врага.

Дороже всего на свете
Была ей отчизна-мать.
Ни пыткой, ни страхом смерти,
Не смог её враг сломать.

Огнём ей палили щёки,
Раздетой вели на мороз.
Но враг не увидел жестокий
В глазах её юных слёз.

Стояла сурово, прямо.
Не морщила в муках лица.
Молчала она, как мрамор.
Как русский боец, до конца.

Души её огонь и пламя
В сердцах сохранил народ.
Живёт она всюду с нами,
Зовёт нас на бой, вперёд.

Карающею грозою
Идут на Берлин войска.
Священная месть за Зою
Сверкает на их штыках.

Не будет врагу пощады.
Кровавый с ним счёт сведём.
За тем через все преграды
В берлогу его идём.

1942

Весна

Гудит земля. В торжественном величье
Вступает в год зелёная весна.
У ней все тот же звонкий голос птичий
И на неё не действует война.

По-прежнему разбуженные реки
Взломали льды, опершись в берега.
И вскинула лесная дрёма веки.
И заструились зеленью луга.

По-прежнему с высоких гор Кавказа
Бегут ручьи, воркуя и журча.
Ликует май, весёлый, синеглазый,
Купаясь в тёплых солнечных лучах.

Весна, весна! Мы узнаём в ней силу
И волю непреклонную свою.
И помня счастье, до войны что было,
Мы яростней сражаемся в бою.

Идя в сраженья, среди огня и дыма,
Мы говорим, и верит всяк из нас,
Что как в году весна неотвратима,
Неотвратим победы нашей час.

1942 г.

На дороге войны

Здесь всё, как в страшной повести, сурово.
И цвет домов, и выраженья лиц,
И снег от боя пепельно-багровый
И каждый след сапог и гусениц.

Земля изрыта, вытоптана, смята
И трупами усеяна кругом,
Здесь ночью шла великая расплата
Здесь совершен кровавый счёт с врагом.

Сейчас здесь тихо. Бой ушел на запад,
И только тень замученных девчат
Напоминает людям мрак гестапо,
Окончившийся семь часов назад.

Его уж нет. Он кончился с рассветом.
Над уцелевшим домиком села
Победно реет красный флаг Советов,
Как символ счастья, радости, тепла.

Из под укрытий высыпали люди,
Все кто в живых остался - стар и млад
Они глядят на кладбище орудий,
На трупы вражьих скрюченных солдат.

Один мальчонка в пиджачке потёртом,
Швырнул во фрица смёрзшийся комок
- Не тронь его, Алёша, это мёртвый.
Он получил уже своё, сынок.

- Живого бы...- и мать вся вздрогнув, сжалась.
Сама бы задушила подлеца.
Они наделали нам зла немало.
Они убили твоего отца.

Они замучили твою сестрёнку - Тоню,
Истерзанную бросили в овраг.
Запомни их, всю жизнь об этом помни:
Фашист, сынок, твой вековечный враг.

Из-за холма доносятся раскаты,
Победный слышится орудий наших гром.
Там продолжается великая расплата
С кровавым ненавистнейшим врагом.
1941г.

Племя моё

Племя моё! Ты бессмертно в веках.
Ты на своих огрубевших руках
К лучшей поре, к лучезарному свету
Нынче выносишь родную планету.

Несёшь её к счастью в крови и огне
Из тьмы, озарённой зловещим пожаром.
В этой великой священной войне
Борется чистая совесть с кошмаром.

В злобе звериной враждуют миры.
Свет перед мраком клонится покорно.
Стонет Европа. Пылают костры.
Змеи скрестились на свастике черной.

Племя моё! Остриями штыков,
Вырви поганую душу фашизма,
Чтобы планета вовеки веков
Славила путь твоего героизма.

Будет пора за оградой времени
-Внуки с волнением будут читать
Книги о подвигах нашего племени,
Будут о нас говорить и мечтать.

Будут портреты героев показывать,
Будут о нас неустанно рассказывать.
Жили, мол, люди. Сражались в бою,
Гибли, годами сражались в строю.

В битвах не знали покоя и сна,
Жизнь отдавали за правое дело,
Чтоб над землёй зазвенела Весна,
Чтобы земля зацвела и запела.
1941

Весна.

Когда в пороховом дыму
За жизнь с врагом мы насмерть бились,
Мы победили потому,
Что мы к весне своей стремились.

Мы знали: юность наша в ней,
И Родину весной мы звали,
И не боялись мы огней,
Что нас в атаках обжигали...

Теперь над миром тишина.
От взрывов бомб отвыкли уши.
И вот желанная весна
Заполонила наши души.

Она пришла с победой к нам,
И победителя-солдата
К труду счастливому, к садам
Вновь потянуло, как когда-то.

Так хочется увидеть вновь
Отцовский дом, родные дали,
Глаза невест и в них любовь –
Все то, за что мы воевали.

Когда настанет этот день,
Я упаду под старым кленом,
Чтоб надо мной качалась тень
Огромным куполом зеленым.

Нет, не чужда такая сень
Всем людям, боем опаленным.

1946

Баллада о земляках.

Вместе ехали в вагоне земляки,
Вместе выросли у Волги, у реки.
Друг без друга не ходили нипочем,
Целый год одну любили горячо.
Разделяли все недуги и мечты,
И стояли друг за друга как братья...
Только что-то вышло в дружбе их не так:
Не поладили на службе за пустяк.
Стал один учиться с рвением, как мечтал,
Командиром отделенья вскоре стал.
По три лычки на погонах у него.
У другого на погонах - ничего.
Но не это было ссорой для ребят.
Запретил сержант Егором звать себя.
Дескать, служба - это служба. И еще -
Коль на службе, значит, дружба не при чем.
Рассердился на сержанта старый друг.
Навалился на солдата злой недуг.
Ходит мрачный и глядит издалека,
И как будто он не знает земляка.
Но однажды на заставе далеко
Лейтенант в секрет отправил земляков
На границу ночь тяжелая легла.
Тьма тревожная поля заволокла.
Тьма такая, словно деготь, глаз коли.
Не увидишь, если враг ползет вдали.
Притаились за кустами земляки.
Тихо звякнули взводимые курки.
И хотя молчали оба - все равно

Чувство было на душе у них одно:
Чтобы в край родной злодей не смел пройти-
Ведь за тем они и встали на пути.
Что-то тихо прошуршало впереди.
Тень тревоги отозвалась в их груди.
«Что такое? Не ползет ли кто? Обман?»
И сержант шепнул товарищу: «Иван,
Если что - держись на славу, в этот час
Словно камни приросли друзья к земле
За покой страны ответ лежит на нас...»
Тихий шорох повторился вновь во мгле.
Нет, не ветер шевелит ночную тишь -
Это враг ползет, цепляясь за камыш.
Пусть ползет, пускай крадется - не пройти!
Двое храбрых притаились на пути.
Вот во мраке показался силуэт.
Крикнуть «Стой!» ему?.. Он скроется. Ан, нет.
Надо ближе подпустить, и с двух сторон
Взять живым врага незваного в полон.
И пополз в обход лазутчика сержант,
Чтоб во тьме ему отрезать путь назад.
Хитрым зверем полз и крался лютый враг.
Вот он близко: десять метров... восемь... шаг.
Стой собака! Раз пробрался - не уйдешь!
Но в ответ блеснул зловеще финский нож.
Глухо вскрикнув, на траву упал Иван.
Закачался у бойца в глазах туман.
Враг метнулся за кусты. Но не успел –
От сержантского удара наземь сел.
Закрутив ремнями руки подлецу.
Командир на помощь бросился бойцу.

- Ваня, жив? -Сержант припал к его груди.
- Ничего, держусь, товарищ командир...
И обнялись, словно братья, земляки,
По старинке, как у Волги у реки.
1940

Матери.

Я уходил - ты была не такой:
Выше была, прямей.
Видно, с собой я унес твой покой
В бури военных дней.

Вот предо мною твой фотопортрет.
Как ты уже стара.
Словно минули десятки лет
В грусти с того утра.

Сколько седин на висках легло,
Сколько морщин у глаз...
Верю, родная, тебе тяжело
Жить, ожидая нас.

Жди терпеливо. Мы скоро придем,
Врага победив и смерть.
Чтобы покой принести в наш дом
Старость твою согреть.
1942

Песенка снайпера.

Словно на охоту раннею порой
На рубеж выходит снайпер молодой.
Под ногами стелется мокрая трава,
На губах у снайпера песенки слова.

Припев

Винтовочка русская
Безотказно бей.
На солдата прусского
Пули не жалей.
Пусть стремится быстрая
К сердцу подлеца.
Вся цена фашистская -
Девять грамм свинца.

На переднем крае от куста к кусту
Снайпер пробирается к своему посту.
Место выбрал славное в склоне высоты –
Враг не может снайпера нашего найти.

Припев

Целыми часами снайпер наш глядит:
Не залег ли где-нибудь за кустом бандит.
Проследит, прицелится - и погибнет гад.
Снайпер метку новую ставит на приклад.

Припев

Винтовочка русская Безотказно бей.
На солдата прусского
Пули не жалей.
Пусть стремится быстрая
К сердцу подлеца.
Вся цена фашистская –
Девять грамм свинца.

1942

Большая семья.

Два года писем он не получал.
Два года ждал и по родным скучал.
И часто, с нами приютясь в тепле,
Он говорил нам о своем селе:
- Я всю страну исколесил вконец,
Я видел много самых славных мест.
Но нет, нигде не видел я милей
Большого сада у избы своей.
Бывало, выйдешь утром на крыльцо,
И запах вишен сладко бьет в лицо.
Сойдешь с крыльца и прямо выйдешь в сад.
На тонких ветках яблоки висят,
В ногах ромашка белая цветет,
И что в саду том только не растет!
В середине сада древний темный дуб,
Всегда раздумчив, на приветы скуп,
Но я его сильнее всех любил:
Он много детских тайн моих хранил.
Он был, как витязь, крепок и могуч
И головою доставал до туч,
В его густой развесистой тени
Мы проводили всем семейством дни.
И там, за чаем, говорил нам дед,
Что дубу этому уже сто двадцать лет.
- Я всю страну исколесил вконец,
Я видел много самых славных мест
Но нет, нигде не видел я милей
Села родного и избы своей.
О, как хотел бы я сейчас узнать

Про дом родной. Жива ль старушка-мать,
Стоит ли дуб по-прежнему в саду,
Как он стоял в сороковом году...
Он говорил об этом много раз,
Но волновал всегда его рассказ.
Мы вспоминали и Иртыш, и Дон,
И был в глазах у каждого свой дом.
И каждый тоже думал: «Нет милей
Села родного и избы своей...»
Два года писем он не получал.
Два года ждал и по родным скучал.
И вот недавно из родимых мест
Пришла нежданно горестная весть.
О том, что немец сжег село дотла,
Что нет теперь родимого угла,
Что мать его в родном доме сожгли,
А двух сестренок в рабство увели,
Что деду немец выколол глаза,
Веревкой толстой к дубу привязал,
Потом бензином старого облил
И вместе с дубом заживо спалил.
Он причитал и слез сдержать не мог.
Ему казалось - стал он одинок.
Ему казалось - белый свет погас.
Но он забыл в минуты те о нас.
Забыл он в горе, что средь нас, солдат,
Любим он был как воин, и как брат.
Мы много верст прошли с ним по песку,
Мы с ним делили радость и тоску,
Не спали ночи, мокли под дождем,
И был нам дорог наш солдатский дом.

В боях суровых мы срослись душой,
Нам вместе было всюду хорошо.

И если горе было у кого,
Мы разделяли поровну его.
И он нашел у всех у нас в сердцах
И нежность матери, и доброту отца.
И понял он, что рота и друзья -
Его большая славная семья.

1944

Приднепровские частушки.

Бой идет. Грохочут пушки.
От снарядов гром и свист.
Приднепровские частушки
Наш поет артиллерист.

Изо всех орудий кроет,
От огня стоит жара.
Фрицы воют, землю роют
По ту сторону Днепра.

Ой, напрасно роют фрицы,
В страхе Гитлера кляня,
Им в окопе не укрыться
От Советского огня.

Ганс пришел на Приднепровье
Подкрепить свое здоровье.
Гансу встречу справили –
На тот свет отправили.

Фридрих рыл окоп, старался –
Заработал пулю в лоб.
Для него могилой стался
Им же вырытый окоп.

У седой Днепровской кручи
Косит фрицев наш свинец.
Предвещает Днепр могучий
Близкий Гитлеру конец.
1943

Рассказ партизана.

Однажды на опушке
Вкопали немцы пушки
И повели по нашим
Напористый огонь.
Стреляла батарея,
Снарядов не жалея,
И по лесу струилась
Пороховая вонь.

У Гансов и у фрицев
Сияли счастьем лица.
Наперебой по-своему.
Кричали все «Зер гут!»
Никто не знал, что сзади
Сидели мы в засаде
И к самому разгару
Явились тут, как тут.

Проверили гранаты,
Штыки и автоматы
И командир отряда
Скомандовал: «Огонь!»
Взревела вся опушка,
Замолкли разом пушки,
А пули так и цокали
О пушечную бронь.

Которых перебили,
Которых изловили.
Глядим, а офицерик
Куда-то враз исчез.
Мы мигом с меньшим братом
Схватили автоматы,
Ударились за фрицем
В густой и темный лес.

В лесу нам все знакомо.
В лесу мы, словно дома.
По веткам примечаем,
Где счастье, где беда.
А фрицы веток этих
Боятся пуше смерти.
И их в лесу дремучем
Не сыщешь никогда.

Мы бросились к дороге
И видим: мчатся ноги.
По прыти догадались,
Что это офицер.

Прицелились и разом
Свалили гада наземь.
На славу пригодился
Охотничий прицел.

И снова на опушке
Загрохотали пушки.
Громили наши фрицев
И в голову, и в хвост.
Когда в лесу стемнело
После большого дела
С богатыми трофеями
Мы возвратились в лес.
1943

Связной

Солнце пышет огнём
Степь от жары гудит.
Трудно июльским днём
В этой степи ходить

Прячется в ноги тень,
Зноя не терпит глаз
В этот июльский день
Связной получил приказ

Ротный вручил пакет,
Полчаса дал на путь,
Лишней минуты нет,
Чтобы в пути отдохнуть.

Спрятал пакет связной,
В руку винтовку взял
И побежал сквозь зной
Через крутой перевал

За перевалом штаб,
В гору тропа лежит.
Быстро боец ослаб,
Пот по вискам бежит.

Каски металл горяч,
Плечи винтовка жмёт
Хочется пить, хоть плачь
К телу рубашка льнёт.

А перевал высок,
За перевалом штаб.
Если б не зной и песок,
Может не так бы ослаб.

Хочется сделать привал,
Лечь, обо всём забыть,
Нет, он присягу дал.
Точным на службе быть.

Сжав непокорно рот,
Силы боец собрал.
Быстро пошел вперед,
Перешагнул перевал,

В срок доставил пакет,
Молча пошел назад,
Слабость была в руке
Радость цвела в глазах.

1940

Скоро, скоро...

У высокого тына,
У побеленной хаты
Мать любимого сына
Провожала в солдаты.
Говорила родному
Со слезами и грустью:
«Возвращайся до дому.»
Отвечал он: «Вернусь я.»
Были тяжкие годы.
Были горькие вести.
Перенес он невзгоды.
Не нарушил он чести.
Шел он долго и смело
Фронтowymi путями
Не берег свое тело
Под стальными дождями.
Скоро, скоро вернется
Он в родимые дали.
Мать ему улыбнется.
Прикоснется к медали.
Скажет просто и гордо,
Позабыв все ненастья:
«Я ждала тебя годы,
И дождалась я Счастья».

1945

Возвращение.

Последний раз в окно вагона
Солдат друзьям махнул рукой.
И потянулось сердце к дому,
К любимым далям за рекой.
Играл баян. Ребята пели.
Солдат был весел и счастлив.
Забыв про вьюги и метели,
Баском подхватывал мотив.
Он пел про то, какие беды
Уже остались позади.
Он пел о радости победы,
О светлом счастье впереди.
О том, как долго жил без ласки.
Как много исходил дорог.
Чтоб снова просто, по-хозяйски
Перешагнуть родной порог.
И, вторя песенному такту,
В его душе жила мечта -
Скорее снова сесть на трактор,
Вернувшись в тихие места.
Вспахать поля, что истоптали
Враги, ворвавшись в край родной,
Чтоб люди больше не видали
Следов, оставленных войной.
1945

Пахнет в воздухе войной.

Ветер рвет песок с барханов,
Налетел с Хинганских гор.
Не выходят тарбаганы
Из своих глубоких нор.
Не летают в небе птицы,
Все зверье укрылось в тень.
А солдатам не сидится,
У солдат учебный день.
Неуемная пехота
Совершает марш-бросок.
Спины чешутся от пота,
На зубах скрипит песок.
Хоть в походе трудновато,
Нестерпим июльский зной,
Но нельзя сидеть солдатам
-Пахнет в воздухе войной.

1941

Матери.

Как ты изменилась, постарела.
Все лицо в морщинках и узлах.
Сгорбилась и сильно поседела,
И огонь уже не тот в глазах.
Не от жизни легкой и погожей
На лицо легла такая тень.
Ты была прямее и моложе
В тот прощальный августовский день.
Видно, сильно сердцем исстрадалась
И подолгу не смыкала глаз.
Каждый день победы дожидаясь
И боясь за каждого из нас.
Дождалась. Пережила тревогу.
Но в душе по-прежнему тоска:
Не вернулся к милому порогу
Младшенький сынок издалека.
Не грусти. Что было - не вернется.
В горе многие тебе близки.
Много песен о тоске поется,
Значит, нет и счастья без тоски.
1945

Цикл современной поэзии о малой Родине

Второе рождение.

(мне было около года)
Мои сестрички как-то взяли
Меня на речку. (Быть беде)
Одежки сняли и сказали:
-Сиди вот здесь, не лезь к воде.
А сами бросились в прохладу,
Смеясь и брызгаясь водой.
И были счастливы и рады
Перед случившейся бедой.
Того не знали, как смахнула
Меня прибрежная волна
И, словно щепку, потянула
Туда, где стыла глубина.
На счастье был неподалеку
Рыбак Сазон, седой старик.
Он услышал через протоку
Мой еле слышный детский крик.
Схватил меня за волосенки,
Потом потряс вниз головой.
И вот меня мои сестренки
С рыданьем принесли домой.
Вот так моим вторым рождением
Стал этот случай роковой.
С тех пор везут меня везенья
По долгой жизни вековой.
1999

Первый трактор

Едет трактор. Что за чудо?
Вся земля вокруг дрожит
И оттуда, и отсюда
Поглазеть народ спешит.

Подойти боятся люди,
Вдруг взорвётся? Что потом?
Кто смеётся: «будь что будет!»
Кто стоит с раскрытым ртом.

А за трактором в прицепе
Плуг в четыре лемеха.
Мужиков приводит в трепет:
- Это, паря, не соха!
* * *

За селом толпа толпится,
Там сплошной переполох
Кто был в ссоре - тот мирится,
Кто от радости оглох.

Трактор сходу в землю врезал
Лемехов своих ножи
И пошло крушить железо
Все делянки и межи.

Мужики аршином меряют
Глубока ли борозда
- Ну, Алёха, вот теперь
Наша кончится нужда.

* * *

Колосится рожь густая,
Поле золотом блестит
Нет ему конца и края,
Птица в день не облетит

Мужиков сияют лица
Не лежит меж них межа
Подарила мать-землица
Небывалый урожай.

И сказал тут дед Василий,
Осветив рукой чело:
- Миром можно всё осилить,-
В одиночку - ничего.
1995

Мне жизни дороже.

Я вырос в степи и люблю ее нежно,
Как мать, как мечту свою светлую вечную.
Люблю ее зимний покой белоснежный,
И летнюю зелень, и ширь бесконечную.

Она дорога мне своей простотой,
Своими лугами, своими дорогами,
Своей непонятной степной красотой,
Своими цветами, пусть даже немногими.

И где бы я ни был, я помню те годы,
Когда бороздою ходил я за плугом
С зари до заката, в дурную погоду,
И дума степная была моим другом.

Я слышу и ныне, как плачут тальянки,
Как тихо колышется рожь золотая.

Мне жизни дороже мои Полуямки
И ветрено-знойные степи Алтая.

1979

Малиновое озеро

Помню, как-то тетушка Арина,
Отложив забот своих завал,
Повела нас в Согру за калиной,
В тех местах я сроду не бывал.

Путь был долог: пустыри да кочки,
Высохли под солнцем озерки,
Не росли ни травы, ни цветочки —
Все кругом сожгли солончаки.

Грустно стало видеть это видо,
До чего земля была скудна.
И в душе ворочалась обида,
Что она в наследство нам дана.

Так пришли мы по земле сожженной
К месту, еле жажду утолив.
Вдруг застыл я, чудом пораженный,
Увидав малиновый разлив.

Что за диво? Может ли такое
Быть на самом деле? Что со мной?
Озеро плескалось на покое
Мягкою малиновой волной.

Словно Гений-Маг волшебной кистью
Расписал большое полотно:
В раме неба, берегов и листьев
Красовалось красное пятно.

Нет, не так бедна природа наша.
Все здесь есть: и адский зной, и рай.
Может быть на всей планете краше
Нет земли, чем наш родной Алтай.
1995

Первый приз.

В пору Масляной потехи
Под хмельком, навеселе
Лошадиные забеги
Проводились на селе.
Мужики своих отличных
Выводили рысаков.
Говорят, пришел обычай
С незапамятных веков.
Все село на круг спешило
Подышать весенним днем.
Мне шесть лет в ту пору было.
Я уже дружил с конем.
Вдруг какой-то старый дядя
Без особенных примет,
На меня приветно глядя,
Показал кулек конфет.
Победишь - твоя награда.
Ты вон легок, я тяжел.
Погонять его не надо,
Он в забегах, ох, как зол.
И подвел меня торопко
К вороному жеребцу.

Лестно было мне и робко,
Видно было по лицу.
Старт объявлен. Что есть мочи
Мчится конь мой, как стрела.
Отставать никак не хочет,
Лишь кусает удила.
Я клещом вцепился в гриву,
Страх закрыл мои глаза.
Недоступный, всем на диво,
Конь пронесся как гроза.
И не помню, как стащили
Мужики меня с коня,
Как кулек конфет вручили,
Как поздравили меня.
Видно в страхе сдали нервы
(Правда, не было каприз)
Это был мой самый первый,
Самый главный в жизни приз.
1995

Волчьи ямы

Я помню, вечером сухим
После полуденного зноя
Мой брат двоюродный Трофим
Меня, мальчонку, взял в ночное.
Покос закончен был вчера,
Весь сбор в копешки был уложен.
Теперь в такие вечера
Лошадкам отдых был положен.

А был покос тот не в лугах,
А тат, где были волчьи норы.
Об этом в «сведущих кругах»
Средь мужиков ходили споры:
-Зарежут волки, что за прок?
Погибнешь сам, погибнут кони...
Но брат уверен был, что волк
У нор своих людей не тронет.
Здесь травы сочные росли,
Поили их обильно росы.
И тот, кто нравом не труслив,
Тут выбирал себе покосы.
Расположились мы в копне.
Я в сон покойно окунулся.
Но что-то вдруг приснилось мне,
И я, испуганный, проснулся.
Трофима нет. Сидели в ряд
Вокруг меня волков десяток.
Глаза зеленые горят.
Я весь застыл до самых пяток.
Не знаю, сколько этот страх
Меня терзал невыносимо.
Но вскоре я услышал шаг
И звуки ботала Трофима.
От звуков ботала весь лог
Зашевелился - вот примета.
Убрались волки. Брат прилег,
А я проплакал до рассвета.

1994

Деревушки.

Деревушки -деревушки.
Кров крестьянский испокон.
Почерневшие избушки
Сели в землю до окон.
Разбежались дети - внуки,
Укатили в города.
У старушек пухнут руки
От мужицкого труда.
Не велик их скарб домашний
Не обилен огород.
Вспоминают век вчерашний
На бревешках у ворот.
И слеза стечет невольно
По морщинке-борозде.
Ох, как горестно и больно
Доживать свой век в нужде.
1999

Полуямки.

Есть у меня этюд в старинной рамке.
Погляжу и на душе светло.
Это боль моя и радость - Полуямки -
Солнцем обожженное село.
На сто верст кругом поля и степи,
Ширь и высь аж голову кружит.
Никаких таких великолепий,
Словно скатерть на столе лежит.
Говорят, что дед мой был из первых,

Кто приметил здешние места.
Никаких таких великолепий,
Словно скатерть на столе лежит.
Говорят, что дед мой был из первых,
Кто приметил здешние места.
От нужды избавиться, наверно,
Давняя была его мечта.
Позвала его, наверно, воля,
Так хотелось сок ее испить.
Потому понравилось раздолье
Никогда не паханной степи.
Из-под Курска, что ли, он приехал
С молодой женой ему под стать.
Путь далек, но это не помеха,
Лишь бы волю вволю испытать.
Прожил он неполных сто два года,
Я еще застал его мальцом,
Вот была порода так порода —
Ладен был и статью и лицом.
И пошел оттуда род мой тихий,
От подъема вечной целины.
Много было радостей и лиха,
Только деда в этом нет вины.
Полтора столетья пролетело.
Много пыли ветром унесло.
И живут своим крестьянским делом
Полуямки - славное село.

1970

Быль.

Был такой однажды случай:

(Мне тогда не повезло)

Налетела уток туча

К нам на озеро в село.

Сесть пришлось им, видно, срочно:

Был нелегок перелет.

Только был морозец ночью,

И сковал им лапы лед.

Утром все село сбежалось

- Уток тьма. Бери рукой.

Как достать? Какая жалость

-Лед был тоненький такой.

Смельчаков нашлось немало.

Ох, лихой у нас народ!

Мною храбрость обуяла,

Я, как все пополз вперед.

Только я рукой схватился

За утиное крыло,

Лед-предатель проломился

И увлек меня в пролом.

Уж не помню, как там было,

Кто принес меня домой.

Мать немедля посадила

В кадь с горячею водой.

Пролежал в постели сутки,

Все прошло... Но ту беду

Помню. Ох, как бились утки,

Пригвожденные ко льду.

1960

В морозный день.

Январский день скрипел морозом
На Енисее лед трещал.
Я шел в совхоз. Смерзались слезы.
Я весь от холода дрожал.
Покой стоял в просторе белом,
На всем просторе ни души.
Спина от холода немела,
Слипался нос - хоть не дыши.
На счастье вслед за мной тащился
Двухсанный конный порожняк.
Я еле-еле изловчился,
Упал на сани и обмяк.
Мне стало вдруг тепло и сладко,
И потянуло в дремоту.
Бежала торопко лошадка,
Сменяя за верстой версту.
И вдруг я боязно очнулся,
Не помню - спал или не спал.
Напрягся весь, перевернулся
И в снег у проруби упал.
Здесь и поднял меня совхозный
Мужик, пришедший за водой.
Так для меня тот день морозный
Чуть не окончился бедой.

2003

Жеребенок.

Был другом моим в детстве жеребенок.
Его я очень преданно любил.
Ходил за мной, как маленький ребенок,
И мой карман губами тербил.
Порой его из этого кармана
Я чем-нибудь приятным угощал.
Делился всем, что мне давала мама,
И он на ласку лаской отвечал.
Я чистил его гриву и копыта,
Он покорялся мне почти во всем.
Кормил его я каждый день досыта
Травой и сеном, иногда овсом.
А как-то раз я поступил с ним глупо:
Почистил его с головы до ног,
Потом ударил кулачком по крупу.
Зачем так сделал - объяснить не мог.
Он отошел на шаг и вдруг копытом
Ударил с силой мне по голове.
Я, бездыханный, с головой разбитой
Мгновенно распластался на траве.
Лежал я долго, к стенке прислонился.
Никто меня не видел у плетня.
Мой жеребенок надо мной склонился
И языком облизывал меня.
С тех пор на лбу моем видна отметка.
Я щупаю ту вмятину рукой
И вспоминаю случай тот нередко,
И всякий раз с волнением и тоской.

2000

У этой были было продолженье.
Промчался быстро юных лет поток.
Настало время – Родине служенье
Я в конницу был призван на восток.
Попал я в полковую батарею,
Мне дали старенького тихого коня
И командир мой поспешил скорее
Предупредить о том коне меня.
- Он старенький, но в деле очень спорый,
В прыжках и в беге он ужасно лют.
Выносливый, легко осилит горы,
Не любит он когда по крупу бьют.
И рассказал один ужасный случай:
- Его хозяин, отслужив свой срок,
Пришел к нему проститься, неразлучный,
Принес ему любимый сахарок.
Он накормил коня подарками досыта.
Потом по крупу стукнул, уходя.
Конь вздрогнул чуть и кованым копытом
Нанес удар, в затылок угодя.
Солдат упал, не приходя в сознание,
Убийца конь подрагивал плечом.
Не ждал он никакого наказания,
Как будто не был виноват ни в чем.
И вот теперь мне этот конь достался,
Я должен его холить и любить.
Его я очень сильно опасался,
Он также мог легко меня убить.
Но подружился с ним мы очень скоро.
Он был умен, что в деле был не всяк.
Мы обскакали с ним даурские просторы,

Ходили и в галоп, и на рысях.
Рубил я ловко острой саблей лозы,
Препятствия легко одолевал на нем,
И в жуткую жару, и в лютые морозы,
Как верные друзья, дружили мы с конем.
И как то я о жеребенке вспомнил:
Тот был характером и внешностью похож.
Неужто это он? И тут же ясно понял,
Что это Он, по всем статьям похож.
2008

Первая ракета. 1935 год.

Когда-то в юности далекой,
Когда душа спешит творить,
Мы на физическом уроке
Решили Космос покорить.
Достали нужные детали,
И после многих трудных дней
По Циолковскому создали
Ракету в восемь ступеней.
В воскресный день от всех украдкой,
Узнав, что посторонних нет,
Избрали стартовой площадкой
Без крыши школьный туалет.
На стул поставили ракету,
К ней подвели бикфордов шнур,
(Жаль не назвали место это
Крылатым словом «Байконур»)
Ракета весело взлетела.
Потом упала в трех шагах.

Взрывалась, прыгала, шипела,
Вгоняя нас в безумный страх.
Сбежались люди. Страж порядка
Немедля взял под козырек.
И с этой стартовой площадки
Нас в отделение поволок.
Все было как-то несолидно.
Суров был взгляд у мужиков.
За Циолковского обидно -
Не чтут его учеников.
2001

Батрак.

Семь лет мне было. Помню это
Годам забытым вопреки.
Мать отдала меня на лето
Чужому дяде в батраки.
Пахал, косил. Возил пшеницу.
Работал с раннего утра.
Мне до сих пор ночами снится
Та непосильная пора.
Вставал чуть свет и босоногий
Вел к плугу смирных лошадей.
Хозяин был довольно строгий
И прятал взор свой от людей.
-Эксплуатирует ребенка,
Жалеет сына, жениха, -
Прошепчет кто-нибудь сторонкой,
Идя подальше от греха.
Когда в дождях минуло лето
И кончился мой тяжелый труд,
Хозяин выдал мне за это
Пшеницы сорной целый пуд.
Умыла мать лицо слезами.
Сказала, сидя у печи:
-Угодно Богу, чтобы с нами
Так поступали богачи.
2002

Крестный ход.

Был жаркий день.
Земля огнем дышала,
Как будто действовали
Тысячи печей.
Шальное солнце
Землю сокрушало
Расплавленными пиками лучей.

Народ собрали
Колокольным звоном,
Прервались
Все крестьянские дела.
Из древней церкви
Вынесли иконы
И понесли с мольбой вокруг села.

Молили Бога
Дать дождя земле,
Крестили лбы
В стенаньи и слезах.
Святою верою людей
Светились лица,
И были к небу подняты глаза.

Иные падали
От духоты и зноя,
Иные плакали
Под звон колоколов
А солнце было
все такое ж злое
И Бог не слышал
человечьих слов

Голод.

Три года не было дождей,
Земля три года не рожала.
В то время множество людей
У нас в селе поумирало.
Запряг мой дядя лошадей,
Сложил вещей остаток в дрогу.
И мы под добрый взгляд людей
С мольбой отправились в дорогу.
Нас было всякому понять:
Нужда не ходит стороною.
И мы, как все, пошли менять
Свои пожитки на съестное.
Минуло много деревень,
Пока исполнилась потреба.
Я свой единственный ремень,
И тот сменял на корку хлеба.
И вот уже пора домой.
Ждут хлеба мать и дед мой древний.
И тут решился дядя мой
Последний раз сходить в деревню.
Стреножив путами коней
Я сам пригрелся на поляне.
Не знали мы, что в стороне
Стояли табором цыгане.
Очнулся. Стало холодать.
День теплый к вечеру клонился.
Я стал метаться и кричать,
Чуть-чуть рассудка не лишился.
Нет дяди, дрог и лошадей.

И я один. А солнце село.
Не слышно голосов людей,
От страха все дрожало тело.
Дошел в слезах до большака,
Упал на пыльную дорогу.
Тут чья-то чуткая рука
Меня коснулась, слава Богу...
Нашел не сразу дядя мой
Меня в далекой деревушке.
И я ни с чем пришел домой
К голодной матери-старушке.

Атака

Видел я, как ночью на Алтае
Шли комбайны, словно корабли
Поспевала нива золотая
И колосья гнулись до земли.

Шли они с огнями четким строем,
Словно их поток какой-то нёс
Я смотрел с восторгом и, не скрою,
Радовался этому до слёз

И узрел я в этой панораме
Эпизод из воинских былин:
Так же вот, слепя прожекторами
Наши танки мчались на Берлин.
2000

Малиновый рассвет

Песня

1

Есть село на просторах Алтая,
Что Михайловкой скромно зовут.
Здесь пшеница растет золотая
И хорошие люди живут.

Бор сосновый под куполом синим
Вдоль села величаво пролег.
Это малый кусочек России,
Драгоценный ее уголок.

Припев:

На озере малиновом
Малиновый рассвет.
Михайловка любимая
Тебя дороже нет.

2

Здесь в лихую годину когда-то
Провожали сынов на войну.
Защитили герои - солдаты
И село, и родную страну.
Много их драгоценных и близких
Не вернулось с кровавых полей.
Только гордо стоят обелиски
В цветниках деревенских аллей.

Припев:

Здесь суровые зимы и лета,
Но к стихиям привыкли поля.
Человеческим сердцем согрета
Драгоценная эта земля.

Здесь в народе высокие нравы
И обычаи здесь хороши:
И работать умеют на - славу,
И смеяться и петь от души.

Припев

Баллада о первом

Двадцать их было. Первый отряд
Самых отважных двадцать ребят.
Все, как один, молодые орлы
Каждый достоин любой похвалы
Их выбирали из всех летунов
Сотен и тысяч отважных сынов,
Чтобы потом из отряда всего
В космос впервые послать одного
Кто совершит этот первый полёт,
Чьё имя над миром как солнце взойдёт?
К шагу в бессмертье был каждый готов,-
И Юрий Гагарин и Герман Титов.
Спят космонавты. Не спит Королёв.
Всё ли продумал? На всё ли готов?
Сам бы в полёт безоглядно пошел,
Только годами уж больно тяжёл.
В небо уперся корабль головой
Пламенем дышит, словно живой.
А на вершине впервые вовек
В сталь облаченный сидит человек
Старт! И Гагарин ушел в высоту.
В быль превратил он людскую мечту
Подвигом дерзким землян покорил
Русской улыбкой весь свет озарил.
1961

Редкий случай был

Случай был на редкость необычный
Шел я к другу - помню до сих пор
Подошел беспечно и привычно
К той калитке, что вела во двор

Вдруг, как сон: стоял передо мною
Маршал в белой форме, в орденах
Я смутился сильно и не скрою
Мною овладел какой-то страх.

Крепость плеч его была упруга,
На висках белела седина
Словно витязь древности в кольчугу
Был он весь закован в орден.

Между нами девочка стояла:
Путь преградила:
- Не пущу!
Маршальская грудь огнём сияла
И скользили искры по плечу

Витязь взял за правую ручонку,
Я за левую и так вдвоём
Мы подняли резвую девчонку
И в сторонку отнесли её.

А потом он протянул мне руку
И привычно взял под козырёк.
Это был великий маршал Жуков
Сказочный и светлый как пророк.
2000

Баллада о герое

1

В село Полуямки приехал солдат
В буденовском шлеме, в шинели до пят.
Вернулся с гражданской; геройски глядит
И орден на ленте, как факел горит.

Народу сбежалось - валился забор.
Женские охи, мужской разговор.
Был он жестоко войной опален
И звали героя Лебедко Семен.

Рассказывал долго, как он воевал,
Как белых гоняли в тайгу за Байкал.
Показывал саблю, которой рубил,
Сам Блюхер за храбрость ему подарил.

До ночи народ уходить не хотел,
Весь двор, словно улей пчелиный гудел!
И долго потом не стихала молва,
Запали всем в душу героя слова.

А он, отмахавший три года в седле,
Был рад, что вернулся к родимой земле.
Работал и тягость крестьянскую нес
И первым потом записался в колхоз...

2

Однажды в деревне случилась беда:
Пропала в колхозном колодце вода.
В изношенном срубе возникла дыра,
Колодец чинить наступила пора.

Никто из селян рисковать не хотел
И каждый с опаской в колодец глядел.
А бабы кричали: Кто смел и умен!
И тут появился Лебедко Семен.

Веревку за пояс. В руках молоток.
Последний взятяжку махорки глоток.
Спустился в колодец, нащупал провал,
Ударил по срубам и ... новый обвал.

Ни зова, ни крика из пропасти злой.
Герой был засыпан сырою землей.

Его хоронило в слезах все село,
Острою болью всем душу свело.
Несли на руках, со свечой на груди
И орден, как факел, горел впереди.
1984

Вечный гимн

Шел я степью в дальнюю деревню
До которой было много верст.
Этот торный путь был самый древний
И утопан множеством колес.

От ходьбы в конец устали ноги,
На губах спеклась степная пыль.
Все дремало. Только вдоль дороги
Серебром поблескивал ковыль.

Солнце жгло, и не было спасенья
От его мучительных лучей.
Так хотелось прохладиться тенью
И обнять ладонями ручей.

Вдруг в зените неба еле-еле
Видный взору жаворонок взмыл.
Выводил он сказочные трели,
Я заслушался и все забыл.

И не помню, как вошел в деревню,
Как достиг желанного конца.
Надо мной с небес звенел напевный
Вечный гимн крылатого певца.
2006

Отец и сын

Сын облачился в джинсы, в кожу,
Ушел в наживу целиком.
С тупым нахальством корчит рожу
отцом - фронтовиком:

- Напрасно ты, отец, старался,
Потел в труде, горел в бою.
И что ж? какой удел достался
Тебе за преданность твою?

Ты тяжкий воз тянул как лошадь,
В нужде и страхе вечно жил.
Ты даже пенсии хорошей
За жизнь свою не заслужил.

А я беру богатство даром,
Хоть на работе не горю.
За это Ельцина с Гайдаром
Я от души благодарю.

С тоской смотрел отец на сына
И в сердце поднималась дрожь.
- Сынок, какая ж ты скотина,
Коль суть людскую не поймешь.

Да, я трудиться начал с детства,
Пошел со всеми на войну,
Чтоб передать тебе в наследство
Большую славную страну.

А ты отца родного предал,
Как ворог грабишь отчий дом.
Ты ничего народу не дал,
А хочешь жить его трудом.

Сидели оба молча, рядом,
Струился папиросный дым.
Отец горел под Сталинградом,
А сын был цел и невредим.

Кто их по - совести рассудит,
Кто прав здесь: сын или отец?
И что с Россией нашей будет:
Вздохнет она иль ей конец?
2006

В жизни трудной и суровой,
В пережитом вечном зле.
Стал и я при власти новой
Первым грамотным в селе.
2008

Мой край родной

Алтайский край богат на имена
И каждое из них неповторимо:
Титов и Лазарев,
Шукшин и Трухина,
Калашников,
Борисов,
Евдокимов.

А сколько их, целителей людских,
Что лечат души и тела людские:
Герасименко,
Торхов,
Доровских
И многие, и многие другие.

Чтоб всех назвать не хватит тех страниц,
Что составляет книга Золотая.
Их множество имен и лиц
Достойных гордости Алтая.

Я тем горжусь, что с многими из них
Я был знаком, дружил или трудился,
Что здесь начало светлых дум моих,
Что здесь когда-то я родился.
2005

В первой школе

Мать моя, мой брат и сестры
Не учились никогда.
В жизни трудной, в злобе
острой,
В нищете текли года.

Кулаки отца убили,
Я тогда младенцем был.
По стране враги ходили,
Все смешалось - фронт и тыл.

Было всем не до учебы –
Так велось с седых веков.
У людей копилась злоба
На господ и кулаков.

Но пришел конец невздам.
После вечных драк и зла
Власть к трудящему народу
От буржуев перешла.

Всюду школы открывались,
К ним тянулась беднота.
Наконец она сбывалась
Вековая мечта.

В первой школе, в первом классе
Повезло учиться мне.
Открывался мир прекрасный
Словно видел все во сне.

В жизни трудной и суровой,
В пережитом вечном зле.
Стал и я при власти новой
Первым грамотным в селе.
2008

Стихи-посвящения друзьям и близким.

В.В. Горбатко в
день рождения

Виктор Васильевич! Славный наш друг!
Тесен сегодня наш праздничный круг.
Все мы пришли к Вам, как к другу и брату,
Чтобы отметить круглую дату.

Где-то в кубанских степях Вы родились.
С детства, как все, вы прилежно трудились. Землю
пахали, сеяли рожь,
В небо стремились, как вся молодежь.

Трижды Вы пашню пахали у Бога.
К звездам крутая вела вас дорога. Тяжко
бывало в полетах порой,
Но Вы ведь четырежды славный герой.

Слава не сделала Вас верхоглядом,
Всем Вы доступны, кто трудится рядом. Люди
такие встречаются редко,
С Вами любой пошел бы в разведку.

Славен Ваш путь и пускай он продлится,
Пусть окружают Вас добрые лица,
Пусть не иссякнет Ваш жизненный порох
Пока не свершится три раза по сорок.

Сельский мальчик из Косихи,
 Где его вершился род,
 Был не просто в меру тихий,
 А скорей наоборот.

 Был зачинщиком походов.
 Собирал мальчишек рать.
 И погода - непогода
 Не могли его сдержать.

Край родной - Держава Хлеба.
 Хлеб растить - у всех мечта.
 А его манило небо,
 Голубая высота.

* * *

Отзвенел звонок последний.
 Тихо стало там и тут.
 Из районной школы средней
 Надо б ехать в институт.

 У ребят одна потреба:
 Как бы свить гнездо в тиши.
 А ему нельзя без неба:
 Это главный зов души.

В школу летчиков подался,
 Да не сразу повезло.
 Не был принят. Но не сдался
 Всем противникам назло.

 Комиссар сказал не глядя: -
 Вижу, парень ты не глуп.
 Но тебе сначала надо
 Испытать аэроклуб.

* * *

Все «азы» прошел исправно:
И «пробежки», и «подлет»,
И, конечно, это главное,
Сел в учебный самолет.

Боже! Сколько было рая
В этот миг в его груди.
Даль небесная без края,
Без препятствий впереди.

«Залететь бы сразу в тучу,
Испытан» ее нутром.
Но, пожалуй, это лучше
Сделать как-нибудь потом.»

А пока сданы зачеты.
Годен! Сладкий звон в ушах.
До Большого Самолета

оставили один лист

Школа Летчиков. Учеба

И приятна, и легка.
Изучай. Дерзай и пробуй,
И летай за облака.

Чкалов. Громов. Коккинаки.
Разве можно всех назвать.
Каждый создан для атаки,
Защищать Россию-мать.

Истребитель - это нервы,
Это - разум, это - глаз.
И Титов был самым первым,
Кто попал в Большой Приказ.

А приказ тот был особый,
Каждый был бы ему рад.
Летчиков высокой пробы
Отбирали в спецотряд.

Под Москвой в лесной чащобе,
Где покой звенит в ушах,
Началась у них учеба
На особых тренажах.

Испытуемых полроты.
Как в ней Первого найти?
Нужно ж выбрать для полета
Одного из двадцати.

Каждый был в отряде сила,
Каждый к старту был готов.
Но Комиссия решила:

- Иль Гагарин
- Иль Титов.

Космодром - Земное Чудо –
Создал Гений-Человек.
Завтра именно отсюда
Счет откроет Звездный Век.

Спят друзья. В порядке нервы.

Завтрак - славный аппетит.

- Кто же первый?

- Кто же первый?

- Кто же первый полетит?

Гулко вздрогнула Планета,
Взволновался весь Эфир.
Гордый Гимн Страны Советов
Оглушил Победой Мир.

- Bravo, Юра!

- Бис, Гагарин!

Громких слов течет река.
Сразу стал он легендарен
И прославлен на века.

А Титов опять в нагрузке,
Новый близится полет.
И прославить гений русский
Наступил его черед.

Вся планета снова в шоке,
Снова море громких слов.
На Гагаринском «Востоке»
В Космос вырвался Титов.

Никому еще на свете
Не случилось испытать
Больше суток на орбите
В невесомости летать.

Все осилил перегрузки
Наш Косихинский орел.
Заслужил трудом по-русски
Вечной славы ореол.

И покуда Русь Христова
Будет на Земле стоять,
Имя Германа Титова
Будет Золотом Сиять.

Дорогие Алеша и Таня!
К вам стремятся наш взор и мечты.
Как бы нам сократить расстоянье,
Как прочнее бы сделать мосты.

Вы приют обрели на чужбине
Вдалеке от родного гнезда.
И, наверное, трудно вам ныне
Жить без близких все эти года.

Это чувство и хмурит, и гложет
Приближая седины к виску,
Через многие годы не может
Снять по Родине в сердце тоску.

Не гоните из сердца желанье
Возвратиться к родному гнезду.
Никакие по миру скитанья
Не погасят отчизны звезду.

И о сыне - родном человеке
Позаботьтесь в чужой стороне
Сын без матери беден навеки,
А без Родины беден вдвойне.

Геннадию Гоцу
Поэту, издателю, общественному деятелю

Стихами Вы воспели целину,
Шагами всю ее измерили.
Как в нашу славную страну,
В ее успех Вы свято верили.
Хоть целины уже той нет
И нет побед, воспетых Вами,
Но вечен будет дивный свет,
Зажженный Вашими стихами
2008

Дмитрию Горбунцову
Писателю, искусствоведу, журналисту

Ты не был только на луне,
А на земле был всюду в мире.
И под землей сидел в Чечне,
И на краю Земли - в Таймыре.
Сибирь измерил впрямь и вкось,
Алтаем был пленен на веки.
Изведать многое пришлось,
Чтоб знать людское в человеке
2008

Михаилу Бубнову
Ученому-физику, члену-корреспонденту РАН

Ты в жизни мастер на все руки,
Скромнейших страж своих идей,
Несешь нелегкий груз в науке,
Чтоб сделать пользу для людей.
Ты правду не передашь во веки,
Не перейдешь ее черту.
Талантом главным в человеке
Ты ценишь честь и доброту.
Твоим теплом семья согрета,
Твоим заботам нет конца
И любят все тебя за это
Как друга, брата и отца
2008

Тане и Юре Иванющенко

Святые люди – Юра с Таней!
Мы ценим нашей дружбы нить.
Любить мы вас не перестанем
Пока на свете будем жить.
Большая дружба нынче редка,
Чтоб длилась многие года.
И с вами мы пойти в разведку
Готовы всюду и всегда.
2008

Земные боги

Профессору Игорю Владимировичу Доровских

Врачи – особенные люди,
У них особые сердца.
Вся жизнь у них – сплошные будни,
Отдача долгу до конца.
Сердца из доброты и воли,
Из клеток самих дорогих.
Они своей не знают боли,
Зато болеют за других.
И как присяга для солдата,
Что существует испокон,
Святая клятва Гиппократа
Для них незыблемый закон.
Они всю жизнь живут в дороге
И днем веселым, и в ночи.
И если есть на свете боги,
То это добрые врачи.
2007

Ниночке- другу всей жизни

Чудесный день: десятое апреля.
Весна вошла торжественно во власть.
Под всплеск ручьев и звонких птичьих трелей
На божий свет девчонка родилась.
Оповестила мир своим приветным криком
И радостно вступила в мир большой,
Очаровала всех прекрасным детским ликом
И крепким нравом, и святой душой.

Жизнь приняла ее в свои объятия
И повела по рытвинам дорог.
Со школьных лет внушила ей понятия:
Любовь и верность, преданность и долг.
Войну прошла до самой до победы,
Познала тяжкий груз ее сполна,
И все ее страдания и беды,
Как чашку горькую, отведала до дна.
Но все суровой жизни повороты,
Как летние ненастья, прошла.
Учеба, творчество. Семейные Заботы
Покой и счастья сердцу принесли
А позади – длиннющая дорога,
Она прошла с достоинством по ней.
И трудностей житейских было много,
Но больше незабвенных светлых дней.
Живи покамест сердце мерно бьется
И бережет приветливо судьба,
Не зря в народных песенках поется,
Что жизнь – любовь и счастье и борьба.
2003

Судьба

Что-то прошлое зовет меня отчаянно
В дорогие сердцу отчие места.
Песня детства неизбывная, печальная
Так и простится сегодня на уста.
Степь ковыльная,
Дорога пыльная,
Погода майская,
Земля алтайская.
Иду сквозь рост я,
А ноги босые.
Куда ведешь, судьба,
Ты своего раба?
На задворках хилая избушка.
Нет отца – убили кулаки.
Под нуждой согнулась мать – старушка,
Нет опоры, нет мужской руки.
Пятерых растила и кормила
Где слезой, где горькой лебедой.
И откуда в ней такая сила,
Что сумела справиться с нуждой?
Жизнь в нужде прожить не так то просто:
Ни земли, ни хлеба, ни скота.
От избушки хилой до погоста
Близок путь – всего одна верста.
Не сдалась. Вся вытянулась в жилу,
Много слез пролила по ночам.
Из рогожки нам одежки шила,
Не давала сна своим очам.
А в селе кулацкое раздолье,

Все село в их крепком кулаке.
Беспросветная нужда сердечной болью
Отзывалась в каждом бедняке.
Но сменилась жизнь крестьянской новью,
Кто-то вести добрые принес.
И в селе бедняцкое сословье
Потянулось в первый свет колхоз.
Первым делом здесь открыли школу.
Дали трактор. Дали семена.
И пошла по деревьям и селам
Мощная колхозная волна.
Кулакам такое не по нраву,
Батраки покинули господ.
Наконец хозяином по праву
Встал на землю трудовой народ.
Рожь колышется,
Вольготно дышится,
Ушла немилая
Нужда постылая
Сидеть не хочется
Гуляет рощица.
Душа-гармонь поет
К себе зовет.
Не успели к счастью прикоснуться,
Как война забрала сыновей.
И опять пришлось в дугу согнуться,
Горьких слезнее пряча от людей.
Бедная, страдальная Россия.
Что с тобой судьба твоя творит.
Не забылись полчища Батыя,
Как опять земля твоя горит.

Снова в смертный бой идут ребята,
Бьют врага под стать богатырям
И опять потери и утраты
Рвут сердца усталым матерям
Никого война не пощадила,
В каждый дом печаль с крестом вошла.
Без разбору смерть людей косила
На столетье душу обожгла
Младший брат погиб под Ленинградом,
Старший был контужен под Орлом
Лишь меня моя судьба – отрада
Сохранила под своим крылом
Крушили врага,
Платили дорога.
Спасли касатушку
Россию матушку
Трудом и волею
Покрыли боль ее
И стала вновь она
Красой полна.
Где еще на свете есть такая
Сказочная, светлая страна?
Нет у ней конца и нету края,
Нет понятия «длина» и «ширина»
И трудились в ней Герои – люди
Всех сословий, взглядов, вер и рас
И тепло всех праздников и буден
Доставалось каждому из нас.
Но не может счастье длиться вечно,
На Руси такому не бывать.
Одолеть привычную беспечность

Видно потрудней, чем воевать.
Проходили маршем пятилетки
Всем казалось – это на века.
А подспудно раковые клетки
Вызрели в тихих тайниках.
И поникла гордая держава,
Блуд иуды одолел Христа.
Замерла Руси былая слава
И опять душа ее пуста.
Русь Великая,
Священнолика,
Куда ты катишься,
Когда спохватишься?
Тебе ль подсказывать,
Как зло наказывать
Так будь сама собой
И снова в бой!
1999

Родина

Смотрю на Русь мою
И сердце жжет тоска
Какая тяжкая у ней судьба, однако:
То кажется, что смерть ее близка,
То вдруг она опять встает из мрака.
Ее пытались покорить мечем,
Предатели продать ее пытались,
Но никому не довелось еще
Ей навязать покорность и усталость.
И верим мы сейчас, как верили всегда

И будет так в сердцах грядущих поколений
Россия будет жить!
Никто и никогда
Ее не победит, не бросит на колени.
2000

Добро и зло

Бог родился в хлеву, как легенда гласит
Был закутан в простые одежды!
Был он послан порядок создать на Руси
И восславить любовь и надежду
Он сказал: не убий, не воруй, не греши,
Возлюби, как себя самого, всех живущих
И твори доброту во спасенье души,
И призвал к доброте всемогущих.
За такие слова, за его доброту
Богачи его зверски убили,
Чтоб о равенстве всех – вековую мечту
Бедняки навсегда позабыли.
Вся планета сегодня погрязла во зле,
Сотрясает буржуев наживы припадок.
Черт в обнимку и иудой идут по земле,
Наводя свой бесовский порядок.
2007

Совсем одурели

Дети – святое грядущее наше
Что ожидает их в сказочной дали?
Каждый сегодняшний день для них страшен,
Завтрашний лучше будет едва ли.
Тысячи бродят детей без призора,
Никто из бродяжек России не нужен.
Власть своего не стыдится позора,
Живет по закону: чем хуже, тем лучше,.
Что ж ты, Россия, совсем одурела,
Все, чем гордилась, бросаешь без боя.
Ты же когда-то делами горела,
Детям дарила вниманье любое.
Строила чудо - дворцы, стадионы,
Детские парки, пляжи на море,
Были любимы они – миллионы –
Не знали, что значат голод и горе.
Нынче во тьме буржуазного мира
Брошено в пропасть российское детство
Кучка богатых бесится с жира,
Украли буржуи у детства наследство.
2008

Песня

1

Есть село на просторах Алтая,
Что Михайловкой скромно зовут.
Здесь пшеница растет золотая
И хорошие люди живут.

Бор сосновый под куполом синим
Вдоль села величаво пролег.
Это малый кусочек России,
Драгоценный ее уголок.

Припев:

На озере малиновом
Малиновый рассвет.
Михайловка любимая
Тебя дороже нет.

2

Здесь в лихую годину когда-то
Провожали сынов на войну.
Защитили герои - солдаты
И село, и родную страну.
Много их драгоценных и близких
Не вернулось с кровавых полей.
Только гордо стоят обелиски
В цветниках деревенских аллей.

Припев:

3

Здесь суровые зимы и лета,
Но к стихиям привыкли поля.
Человеческим сердцем согрета
Драгоценная эта земля.

Здесь в народе высокие нравы
И обычаи здесь хороши:
И работать умеют на - славу,
И смеяться и петь от души.

Припев:

Паровой велосипед

Мой брат был мастером кузнечным
Все время что-то мастерил.
И пропадал у горна вечно,
Ковал железо и калил.

И для него железо было
Как воск, как глина, как мука.
Была загадочная сила
В его мозолистых руках.

Он делал то, что мог не каждый
И уважаем, был селом,
И удивил сельчан однажды
Своим кузнечным ремеслом.

Трудился долго, терпеливо,
Скрывал задумку много лет.
И показал в тот день счастливый
Свой паровой велосипед.

В тот день был сильно озабочен:
Не зря ли тратил столько сил
На это все, на этот поршень,
Который долго мастерил?

И вот сидит он, руль сжимая,
Велосипед ползет вперед,
А день звенит лучами мая
И поглазеть спешит народ.

Я примостился где-то рядом,
Велосипед трещал, гудел.
С Алеши пот катился градом,
Он сразу сильно похудел.

Зато глаза его горели,
Он был тогда героем дня...
Об этом празднике доселе
Осталась память у меня.
2008

Мудрость

Много мудростей в народе
Сохранилось за века:
О судьбе и о погоде
И о разных пустяках.

По проверенным приметам
Люди знают наперед
И какое будет лето,
И когда зима придет.

Если ласточки летают,
Кружат в небе хоровод,
По полету люди знают
Что их завтра с неба ждет.

Узнают они прекрасно
По азартной их игре:
Высоко летают - к ясной,
Низко - к пасмурной поре.

Если был закат багровый
Бледно серому взамен,
Значит, жди ветров суровых
И в погоде перемен.

Если стаял снег в апреле
И открылись все поля,
Значит, в мае жди метелей
И погоды до нуля.

И не зря в штабах военных
Вечно, испокон веков,
На правах людей почтенных
Содержали стариков.

Глубоко они вникали
В сочетание планет.
И по звездам предрекали
Быть победе или нет.

И в народе не напрасно
Ценность возрастам дана:
Юность подвигом прекрасна,
Старость мудростью красна.

2003

Коробейник

Почти по Некрасову

Эх, полным полна коробушка
Есть и газ, и нефть, и лес.
Приходи, Европа - вдовушка,
Продает товар купец.

- Это ценности не малые,
Уж поверьте мне, мадам.
Я за ваши губки алые
По дешевке все отдам.

- Не нужна мне ширь безбрежная
Столько с ней больших хлопот.
Мне б с тобой, лисичка нежная,
Жить бы вместе без забот.

- Мне не жаль тайги нехоженой
И всего, что есть в земле.
Хватит мне, что мне положено
За большой стеной в Кремле.

- Все бери запасы жаркие,
Будет тише вам в тылу.
А мои людишки жалкие
Не приучены к теплу.

Вот и пала ночь туманная,
Подошли торги к концу.
Все взяла Лиса жеманная,
Помахав хвостом купцу.

2007 год

БЫЛЫЕ БЫЛИ

поэма

Привезли в село нам планер.
В поле высыпал народ.
Молодой веселый парень
Совершил на нем полет.

Показав свое уменье,
Парень был героем дня.
От восторга и волненья
Сердце билось у меня.

И решил я стать пилотом,
Как немного подрасту,
Чтоб вот также самолетом
Устремиться в высоту.

Парень школу планеристов
На селе у нас открыл.
Занимались в поле чистом,
Там был наш учебный тыл.

Я в числе других подростков
Медкомиссию прошел,
– Не велик, сказали ростом,
Это даже хорошо.

* * *

На занятия ходили,
Как на праздник всякий раз.
Это дело мы любили
Планер был мечтой у нас.

И пробежки, и подлеты,
Каждодневный инструктаж.
Постепенно к самолету
Приближала школа нас.

И настал тот день счастливый
Первый планерный полет:
Под крылом дома и нивы,
Виден каждый огород.

Завладела мной потреба
Полететь за облака,
Посмотреть с вершины неба
На село издалека.

* * *

И другая страсть в ту пору
Стала сердце волновать.
Все, что было мило взору,
Я спешил зарисовать.

И стремились обе страсти
Завладеть моей судьбой,
Был я весь у них во власти,
Околдован, их борьбой.

* * *

Средней школы не окончив,
Распрощался я с селом.
Овладеть хотелось очень
Рисовальным ремеслом.

И, сманив дружка по школе,
Мы поехали в Москву.
Испытать другую долю,
По искусству снять тоску.

Не приветливо и скупю
Приняла столица нас.
Поступили, видно, глупо
С другом мы на этот раз.

Но не ехать же обратно,
Как нас встретят земляки.
Сразу будет всем понятно,
Что мы просто слабаки.

* * *

Ни приюта, ни постели,
И знакомых ни души.
Все, что было, мы проели,
Наши кончились гроши.

Нет, не может длиться вечно
Невезенья злая нить.
То училище, конечно,
Мы нашли. Довольно нить.

Сдал экзамены. Был принят.
Я – студент. Прощай беда.
Все скитания отныне,
Прекратились навсегда.

Привыкаю понемногу
И рисую, и пишу,
Словно вышел на дорогу
И куда-то вдаль спешу.

Ходят парни на свиданья,
Я до вздохов неохочь.
Все сердечные страданья
От меня уходят прочь.

Места нет в душе унынию,
Только краски и холсты.
Исполняются отныне
Все заветные мечты.

А в стране поток успехов:
Все откроем! Победим!
Море песен. Море смеха.
Все дороги – молодым!

* * *

Из Европы пахнет дымом.
Там стоит кровавый мрак.
Там Берлин в обнимку с Римом
Занесли над ней кулак.

Разгромили патриотов:
Вся Испания в огне.
Наши мирные заботы
Приближали нас к войне.

В нашей группе появились
Два испанских паренька.
Мы их сразу полюбили,
Как своих, наверняка.

Вместе пишем и рисуем,
Вместе в тир стрелять идем.
По Испании тоскуя,
Песни гневные поем.

И учеба все сильнее
Завораживает нас.
Был бы только день длиннее,
Да смелей и зорче глаз.

* * *

Объявленьем ярким, чистым
Был украшен наш забор:
Школа "Н" парашютистов
Объявляет свой набор.

Побежал по объявлению,
Дали в руки медобход.
Как по щучьему веленью
Все вершилось в этот год.

Все врачи признали: “Годен”,
Собран вместе наш кружок,
Инструктаж отлично пройден,
Годен выполнить прыжок.

И понес меня на крыльях
Самолет под облака,
Словно сказка стала былью,
Радость в сердце велика.

На крыло проворно вышел.
Прыгнул, вытянув кольцо,
И лечу под белой крышей
Разудалым молодцом.

На душе светло и чисто,
Все волненья позади.
Так я стал парашютистом
С ярким знаком на груди.

* * *

А война все ближе, ближе
К нам ползет, оскалив пасть.
И в Варшаве, и в Париже
Зашаталась сильно власть.

Самураи на востоке
Снова лезут на рожон.
Враг коварный и жестокий
До зубов вооружен.

На Хасане были биты,
Но урок пошел не впрок.
По – воровски, как бандиты,
Снова прут, забыв зарок.

Испытал он нашу волю,
Долго будет помнить враг,
Как в песках на Халхин-Голе
Был разбит он в пух и прах.

Немцы злобствуют в Европе,
Танки прут со всех сторон.
Корабли на море топят,
Города берут в полон...

* * *

Из каникул возвратился,
Перешел на третий курс.
Новой силой зарядился,
С головой вошел во вкус.

Все познать душа спешила,
Все уметь судьба звала.
Неизведанная сила
В светлый мир меня вела

* * *

Но убила все повестка:
Призван Родине служить.
Жизнь сменилась очень резко:
Больше некуда спешить.

Кисти, краски, спорт победы –
Все теперь пришлось забыть.
Эшелона путь неведом –
Где придется мне служить?

Целый месяц нас в теплушках,
По ночам во тьме везли.
На платформах кони, пушки
Путь лежал на край земли.

И в Даурии далекой
Где простор ветрам сухим,
По велению злого рока
Стал я конником лихим.

И душа моя рассталась
С миром самых светлых дней.
В синих сопках затерялась
Тропка юности моей.

* * *

В ожидании тревожном
Мчался год сороковой.
Разобраться было сложно
В обстановке роковой.

Гитлер жег огнем Европу,
Выполнял зловещий план,
Превращал в своих холопов,
Населенье многих стран.

* * *

На востоке самураи,
Потеряв над волей власть,
Без конца, огнем играя,
Лезут к нам, оскалив пасть.

В нашей службе изменился
Весь наш воинский режим,
И покой нам только снился —
На учебу был нажим.

Стрельбы, конные походы,
Тренировки без конца.
И не ведали свободы
Наши бедные сердца.

* * *

По ночам вблизи границы,
ДОТы строили, спеша.
Посерели наши лица,
Черствой сделалась душа.

О досрочном увольнении,
Позабыть пришлось теперь.
Перед нашим поколеньем,
В светлый мир закрылась дверь.

Все былые увлечения
Позабыть теперь пришлось.
Только стрельбы, да ученья,
Да на вражью свору злость.

Стал писать стихи украдкой
Выливать в них гнев и грусть.
Воспевать в своей тетрадке
Дорогую сердцу Русь.

* * *

Сорок первый изначально
Стал тревожней с каждым днем.
И разлучным, и печальным
И с друзьями, и с конем.

С лошадьми пришлось проститься,
Конь не стал грозой в войне.
Приказали поселиться
На монгольской стороне.

Рядом с тем врагом заклятым,
С кем в вражде жила страна,
С кем была в тридцать девятом
Халхингольская война.

* * *

Там, в Даурии, в ту пору
Был в почете литкружок.
Как-то важным членам взору
Показал меня дружок.

Были там: Молчанов, Марков,
Много было молодых.
И поэтов старших ярких,
Как Ольхон или Седых

Оробел я как-то сразу
Перед обществом таким.
Не печатался ни разу,
Был поэтом никаким.

Первый раз в большой газете,
Напечатали мой стих.
Подхлестнули строчки эти
Устремленье дум моих.

* * *

У японцев на Россию,
Был прицел, который год.
День и ночь глаза косые
В наш смотрели огород.

Но вояки не забыли
Тот свинцовый ураган,
Как их начисто разбили
На горе Баин Цаган.

* * *

Был я конник. Стал танкистом
Отслужил уже свой срок,
И могло уже случиться
На родной ступить порог.

Но, как страшный гром, известье
Оглушило всю страну:
И сердца вскипели мезтью.
Гитлер нас втянул в войну.

Там, на западных границах,
Шла жестокая война.
Отбивала нацискфицев
Наша гневная страна.

* * *

Забайкальские просторы
Погрузились в тишину,
Нам пришлось вести в ту пору
Молчаливую войну.

Стал писать стихи в газету,
Клику Гитлера кляня.
Начинающим поэтом
Кто-то вдруг назвал меня.

И приятно, и неловко;
Ну, какой уж я поэт?
Мне сподручнее с винтовкой
По ночам ходить в секрет.

* * *

Шли печальные известья,
С отступающих фронтов.
И душа горела мезтью,
Каждый в бой идти готов.

Каждый в той борьбе с врагами
Жгучий гнев носил в себе.
Мне хотелось хоть стихами,
Быть причастным к той борьбе.

Враг, ломая все заслоны,
Рвался бешено к Москве.
И казалось оборона
Вся висит на волоске.

Но еще упорней биться
Стала сжатая страна.
Знали: Сталин был в столице,
Значит, выдюжит она.

Из Сибири эшелоны
Шли с войсками день и ночь,
Фрицев наглых и хваленых,
Разгромив, погнали прочь.

Враг бежал, удар отведав,
Сея трупами отход...
Так закончился победой
Грозный сорок первый год.

* * *

Был спокоен поначалу
Новый год сорок второй.
Вся страна его встречала
С приподнятой головой.

Мы в Монголии зарылись
В землю, в глину и песок –
Наши взоры устремились
На враждебный нам восток.

Там был злобный враг когда-то.
Был он нами бит не раз.
Помнят русские солдаты
Зло его раскосых глаз.

* * *

Тишина была не прочной,
Битый Гитлер озверел.
Гнал войска на фронт восточный,
Весь от ярости горел.

Фрицы лезли вон из кожи,
Взять реванш стремился враг,
Но повсюду им по роже
Бил советский наш кулак.

Ленинград попал в блокаду,
На Кавказ ломился гад.
На пути в то лето гаду
Встал бессмертный Сталинград.

Здесь в борьбе сошлись две силы:
Доброта с проклятым злом.
Смерть людей косою косила
Враг ломился напролом.

Вся страна тогда дышала
Едким воздухом войны.
Наша армия решала
Здесь судьбу родной страны.

* * *

По приказу генерала
Я в газету послан был.
Та работа поднимала
Весь мой жгучий гнев и пыл.

Рисовал карикатуры,
Сочинял стихи под них
Вражью зверскую натуру,
Обнажал мой шарж и стих.

А на Волге шло сраженье
Миллион на миллион.
Кто потерпит поражение,
Кто кого возьмет в полон.

Здесь решалась честь России,
Вся дальнейшая судьба.
На пределе всех усилий
Шла жестокая борьба.

* * *

За Хинганом самураи
Приготовились к прыжку.
Оказать с другого края
Помощь Гитлеру – дружку.

Сговор был у злобных гадов.
Если Сталинград падет,
Самурайская армада,
На Союз войной пойдет.

Целый месяц мы – солдаты
Были в близости к врагу,
В белоснежных маскхалатах
Спали прямо на снегу.

Не дождался враг победы,
Сталинград не пал в бою.
Нашей доблести отведав,
Проклял он судьбу свою.

* * *

С той поры врагу ни разу
Не давали отдохнуть.
Гнали с Волги и Кавказа
Брали в клещи, били в грудь.

И решающим ударом
Стала Курская Дуга.
Здесь в бою настигла кара,
Озверевшего врага.

Вражьи натиски упали
После "Огненной дуги".
Отовсюду отступали
Нами битые враги.

* * *

До Монголии далекой,
Гром сражений доходил.
И победные уроки,
Изучал наш чуткий тыл.

Знали: скоро пригодится
Опыт воинских побед.
Нам с врагом придется биться
И сомнений в этом нет.

Новой техникой снабжала
Нас советская страна
Той, что немцев сокрушала
Всюду, где прошла война.

Грозный вал огнем катился,
Гнал с родной земли врага.
Очищал от злобных фрицев
Города, поля, луга.

* * *

В стане Гитлера тревога,
Замерла его звезда.
Приближался бой к порогу,
Сатанинского гнезда.

Гений Сталина – отцовский,
На отпор поднял страну.
Жуков, Конев, Рокоссовский,
Завершили ту войну.

И теперь разбить осталось
Самураев злобный род.
Чтоб он больше не пытался
Лезть в советский огород.

Слез и горя много было,
Тяжела была война.
Одолела вражью силу
Наша славная страна.

И закончился салютом
В этой битве огневой.
Над фашистским зверем лютым,
Был последний, правый бой.

* * *

Непрерывной вереницей
Словно вешних вод поток.
Шли от западной границы
Эшелоны на восток.

Бой на западе закончен
Завершен победный шаг.
Но остался враг восточный,
Изощренный злобный враг.

И теперь настали сроки
Разгромить его в бою,
Чтоб на Дальнем, на востоке,
Прекратил он злобь свою.

В Забайкалье прибывали
Эшелонами войска.
Свое место занимали
Для могучего броска.

* * *

И настал тот час заветный
Долгожданный вещий час,
Что поднял на бой победный
На святую битву нас.

Танков грозная громада
Устремилась на врага,
Не страшна была преграда –
Перевал Большой Хинган.

Сплав солдатских плеч и стали
Были чудом из чудес.
За Хинганом нас не ждали,
Словно мы сошли с небес.

* * *

Но за грозным перевалом
Нас не ждал счастливый час,
Дождь муссонный мокрым валом
Днем и ночью лил на нас.

Вся земля была как каша
Утопала в ней нога,
Но стальная сила наша
Устремилась на врага.

Был приказ: без остановки
Мчатся день и ночь вперед,
Много силы и сноровки
Этот требовал поход.

Одолели все преграды
Над японом взяли власть,
Вся квантунская громада
Проиграла бой, сдалась.

* * *

Несмотря на хляби лета,
На отсутствие дорог,
Наша славная газета
Выходила точно в срок.

В ней мы живо отражали
Ход стремительной войны,
Как отчаянно сражались
Наши храбрые сыны.

Я писал стихи в газету,
Поднимал победный дух.
Трудным было это лето,
Враг разбит был в прах и пух.

Где-то в грязном Таонани
Завершился наш поход.
Много злобных самураев
Было пущено в расход.

Нашим ротам в плен сдавались
Даже целые полки.
Наконец отвоевались
Косоглазые стрелки.

В прах разбитые японцы
Перестали сеять страх.
Черным стало для них солнце
И привычным слово «крах».

Сила грозная, святая
Здесь с благим добром слилась.
Красной Армии Китая
Помогли в борьбе за власть.

Передали танки, пушки
Побратимам дорогим.
Даже грозные «Катюшки»,
Говорят, достались им.

* * *

Возвратились из похода
Мы с победой налегке.
И еще около года
В дальнем жили вдалеке.

Так же делали газеты
Каждый был победе рад.
За войну лихую эту,
Кучу выдали наград.

За поход Манчжский славный
И за подвиг боевой,
Каждый ждал награды главной,
Возвращения домой.

* * *

Так почти четыре года
Шла жестокая война,
Миллионы душ народа
Уничтожила она.

Мне уже почти под тридцать,
Все науки я забыл.
Нет причины веселиться,
Непривычен мирный тыл.

Предлагали стать военным
Службу вечную нести.
Я отверг его мгновенно,
Это мне не по пути.

Для меня одна дорога:
Чтоб на век убить тоску,
Мимо отчего порога
Возвратиться вновь в Москву.

* * *

То училище откуда,
Был я призван в РККА,
Если вдруг мне будет худо,
Примет вновь наверняка.

* * *

И открыл я вновь этюдник,
Был он всю войну со мной,
Превратились в праздник будни,
Грусть закончилась с войной.

С дикой жадностью этюды
Стал писать в свободный час,
Люди, порты и верблюды
Все моих касалось глаз.

Постепенно возвратилась
Позабывтая мечта.
Сердце как-то сладко билось
За работой у холста.

От своих стихотворений
Стал немного отвыкать.
В этом деле я не гений,
Мне поэтом не бывать.

* * *

А газета отнимала
Время, силы и мечты.
Оставалось время мало
На желанные холсты.

Мир Монголии особый
Ширь, простор и высота,
Желтый цвет пустыни Гоби
Побеждал здесь все цвета.

Здесь во всем свои приметы
Необычный колорит,
Написать людей портреты
Сердце жадностью горит.

Тишина как топь в болоте,
В небе беркуты летят.
На одной унылой ноте
Песнь свою поет арат.

Все обрыдло, все приелось
Служба медленно текла
Сердцу вольности хотелось
И домашнего тепла.

* * *

И настал тот день особый
Лето. Год сорок шестой,
Будет помниться до гроба
Этот праздник золотой.

Расставались с тихой грустью
С теми, кто родни родней,
Кто был горд великой Русью-
Милой Родиной своей.

Кто служил ей смело, честно
В годы схватки боевой,
И теперь в вагонах тесных
Ехал с гордостью домой.

* * *

Я проехал мимо дома,
Не спускал с Татарки глаз.
Это место мне знакомо,
Здесь бывал я и не раз.

Мать ждала меня, я знаю,
Сердце ей давила грусть.
Подожди еще, родная,
Я устроюсь и вернусь.

С Ярославского вокзала,
Путь к училищу прямой.
Напряженно и устало
Я помчался, как домой.

Дали мне приют достойный:
В общежитии кровать.
Можно мне теперь спокойно,
К мирной жизни привыкать.

Пригляделся к жизни здешней,
Сдал экзамен в институт.
И помчалась жизнь успешно
И в душе цветы цветут.

* * *

В группу я попал к Дейнека –
Летописцу всей страны.
Знал об этом человеке,
Я задолго до войны.

“Оборону Петрограда”
Знали все: и мал и стар.
Это было как награда,
О которой я мечтал.

* * *

С той поры в моем сознании
Началась вторая жизнь.
Разум мой тянулся к знанию,
Сон мешал, хоть не ложись.

От природного старанья
Все легко давалось мне.
Все побочные желанья,
Оставались в стороне.

Кончив первый курс, женился
На красавице одной.
Словно чудный сон приснился —
Стала мне она женой.

Первый раз такую встретил:
И разумна и скромна,
Не встречал на белом свете,
Женщин краше чем она.

И поехали мы к маме,
Так она уже стара,
Чтоб священными устами
Пожелала нам добра.

С той поры курить я бросил,
Перестал писать стихи:
Сигареты зло приносят,
А стихи мои плохи.

Так, что все мои заботы
В новый вылились азарт:
Институт, семья, работа
Новым планам – новый старт.

* * *

В институте курс за курсом
Брал успешно всякий раз.
Наполнял хорошим вкусом
Свой художничий запас.

На соседнем факультете
Рядом учится жена.
Как с горой забот на свете
Управляется она?

И ребенок, и учеба,
И домашние дела.
Все своей мечте особой
После фронта отдала.

Жили скромно, скуповато
На стипендию свою.
Привыкать ли нам солдатам?
После фронта – как в раю.

Никогда нужда не гнула
Не сжимала нас в кольцо,
Жизнь охотно повернула
В нашу сторону лицо.

* * *

Трудно было жить народу
После тягостной войны.
Но легчало год от года,
Поднималась мощь страны.

Снова выпрямились люди,
Засияли их глаза.
Значит, счастье снова будет
И забудется гроза.

Защитил диплом досрочно,
Расписал в Твери театр.
Встал теперь на ноги прочно,
Вспыхнул творческий азарт.

И пошли волной заказы
На театры и дворцы.
Нужен, стал я как-то сразу,
Вышел так сказать в творцы.

* * *

В нашем творческом союзе
Поднялась борьба идей.
Поклоняться левой музе,
Взросло число людей.

Выставкомы осаждались,
Низкопробной левизной.
Красота с дерьмом сражались,
Пахло творческой войной.

Там вдали, за океаном
Шайка самых злобных лиц,
Разрабатывала планы
Как убить соцреализм.

* * *

Здесь на этом перекрестке,
Зная, что в борьбе не трус.
На меня взвалили в МОСХе
Всей борьбы идейной груз.

У Кибальникова замом
Стал я воле поперек.
Занимался трудным самым
Коллективом полный срок.

Свои творческие планы
Сократить теперь пришлось.
Каждодневно, неустанно
Укрощал в союзе злость.

А в ЦК сидели тихо,
Мол, дела не так уж плохи.
И порой играли лихо
С леваками в поддавки.

* * *

Стали модными прибалты,
Их совали всем в пример.
Низкопробные таланты
Расцвели без всяких мер.

В этой тихой и лукавой,
Неприятной мне борьбе.
Не достиг я цели правой
И нанес урон себе.

* * *

Съезд Российский был попыткой
Как связать борьбы концы.
В руководство перли прытко,
Обнаглевшие юнцы.

Их поддерживала bravo
Группа правящих людей.
Поворачивалось вправо
Колесо чужих идей.

После съезда мне на плечи
Был повешен новый груз,
Упирались было не чем,
Знали, что в борьбе не трус.

Председателем бессменным
Худсовета стал я вдруг.
Волей партии мгновенно
Обозначился мой круг.

Весь декор в архитектуре
Был поставлен под контроль.
Чтоб создать заслон халтуре
Отвели мне эту роль.

Трудно было в эту пору
Силу стойкую иметь.
Авангарда злую свору
Трудно было одолеть.

Потерял я много силы
В этой бешеной борьбе.
Благ она не приносила
Только боль носил в себе.

* * *

Завершался век двадцатый
Что-то лопнуло в стране.
Все к чему мы шли когда-то
Оказалось в стороне.

Враг не спал, когда дремали
Наши дряхлые вожди.
Перемены наступали,
Как осенние дожди.

Долго там, за океаном,
К грабежам, почуяв вкус,
Разрабатывали планы,
Как разграбить наш Союз.

Нужен был предатель рьяный
Экий наглый истукан,
Чтоб всегда был злой и пьяный
И умом не великан.

И нашелся на Урале
Сын бывшего кулака.
Человек гнилой морали
С хищной хваткой паука.

Двух других таких же гадких
Он предателей нашел.
И от всех людей украдкой
На преступный шаг пошел.

И в лесу, в гулянке пылкой
Трехголовый этот гнус.
Сговорился за бутылкой
Уничтожить наш Союз.

Поделить страну на межи
Им она не дорога.
Каждый свой кусок отрежет
От большого пирога.

И начался самый дикий
Для большой страны исход
Завершил Союз Великий
Свой в истории поход.

* * *

Глас народа добрый, правый
Прекратился навсегда
У страны от прежней славы
Не осталось и следа.

Все разграбили до нитки,
До последнего гвоздя.
А пошло все от Никитки
Пустозвонного "вождя".

Это он в тупой гордыне
Под страну поднес фугас.
Предал Сталина и ныне
Сотрясает смута нас.

Как на труп со всего света
Прилетело воронье.
Доконали власть Советов
Алчность, подлость и вранье.

* * *

Взяли власть в стране пигмеи –
Подхалимов подлый род.
Воровать они умеют –
Обберут любой народ.

Оглушенная Россия
Погрузилась в темноту.
Люди честные, простые
Окунулись в нищету.

* * *

Раньше все страной гордились,
Честным равенством людей.
Для самих себя трудились
Для побед своих идей.

Это все ушло в приданье
В ходе диких перемен.
Только горе и страданье
Получил народ взамен.

От России откололись
Все республики страны.
Все, за что они боролись
Одним махом сметены.

Захотелось всем нацменам
Поругать своей страной.
Окунуться в перемены
Словно в омут ледяной.

* * *

После Родины распада
На заброшенный простор.
Выползали всюду гады
Из своих змеиных нор.

Все добро хватали даром
Прохиндеи – ловкачи.
И Немцовым и Гайдарам
Дали в руки все ключи.

На Чубайса положили
Янки свой зловещий глаз.
И прохвосту поручили
Обокрасть Россию враз.

Опыт был у них богатый
Отработан за века.
Капитал гребла лопатой
Обнаглевшая рука.

Рыжий сразу оказался
Им подстать в таких делах.
Горячо за дело взялся
Всех ограбил в пух и прах.

Вокруг Ельцина сплотились
Подхалимы всех мастей.
На грабеж страны пустились
На пределе скоростей.

* * *

Велика страна Россия
И богата до краев.
Все века глаза косые
Смотрят жадно на нее.

И легла Россия прахом
Перед этим грабежом.
Весь народ единым махом
Был всех радостей лишен.

* * *

Трудно было мне в ту пору
К переменам привыкать.
Только жуликам и ворам
Наступила благодать.

Те, кто были не в почете,
И ничтожны как нули,
Все они в конечном счете
Вдруг известность обрели.

Стали пошлость и уродство
Идеалом красоты.
Подавили ложь и скотство
Благородные мечты.

Расцвели махровым цветом
Формалисты всех мастей.
Ободренные приветом
Ныне правящих властей.

Красота теперь не в моде,
Не спасти ей мир от зла.
Что-то лопнуло в природе,
Радость в пропасть поползла.